

СУВЕРЕНИТЕТ И ПРИНЦИПЫ ОБЩЕЖИТИЯ НАРОДОВ

*Лидия НОВИКОВА,
Ирина СИЗЕМСКАЯ*

Политическая программа евразийцев: реальность или утопия?

Вниманию читателей предлагается статья одного из ведущих деятелей так называемого «евразийского движения», видного русского правоведа и политолога Н. Алексеева¹. Ему принадлежит разработка государственно-правовой концепции евразийства. В публикуемой статье дан критически-конструктивный анализ становления советского федерализма в контексте русской истории и сформулированы принципы должного устройства русского государства с учетом его исторической традиции и многонационального характера. Статья представляет двоякий интерес: с одной стороны, как доведение до логического конца многих скрытых под идеологическим флером пролетарского интернационализма сторон советского федерализма; с другой — как добросовестная попытка конструирования утопистски-ггота-литарной модели государства на материале русской и советской действительности. При этом необходимо учитывать, что анализ советского федерализма исходит из идеологических предпосылок евразийства.

В советской литературе евразийство не получило до сих пор должного освещения. А между тем многие его теоретические положения и идеологические установки 70—60-летней давности оказались весьма созвучными исканиям современных идеологов и политиков в связи с переоценкой канонизированной идеологии интернационализма и разработкой новой концепции национального единства и политического устройства нашей страны. Поэтому теоретические построения евразийцев могут оказаться весьма поучительными при осмыслении современных национально-культурных и социально-политических проблем, хотя не столько своими ответами, сколько постановкой вопросов².

Евразийство как идейно-политическое течение русского зарубежья возникло в начале 20-х годов и сразу же вызвало значительный общественный резонанс. Оно заявило о себе выходом сборника «Исход к Востоку».

¹ Алексеев Н. Н. Советский федерализм. «Евразийский временник», кн. 5. Париж, 1927.

² Более полная репрезентация идеологии евразийского движения будет представлена в готовящейся к публикации издательством «Наука» антологии «Русские источники современной социальной философии». Кн. 2. «Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн» (ред.-составит. Новикова Л. И., Сиземская И. Н.). М., 1992.

Новикова Л. И. — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии АН СССР.

Сиземская И. Н. — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник того же института.

Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921), обратившего на себя внимание необычностью пущенного в обиход нового понятия, нетрадиционным анализом традиционных проблем, настораживающе дерзкими проектами преобразования общественного строя России, подкупающей воодушевленностью и искренностью авторов. Авторами сборника и инициаторами открываемого им нового движения стали экономист и географ П. Савицкий, блестящий лингвист и этнограф кн. Н. Трубецкой, философ и богослов Г. Флоровский, искусствовед П. Сувчинский. Их начинание привлекло как многочисленных сторонников и сочувствующих (назовем среди них Г. Вернадского, Л. Карсавина, П. Бицилли, С. Франка), так и оппонентов (П. Милукова, Н. Бердяева, А. Кизеветтера и др.). С 1926—1927 гг. активное участие в евразийских изданиях принимает Н. Алексеев.

Вслед за первым сборником последовали вторая книга «На путях. Утверждение евразийцев» (1922) и еще три ежегодника под общим названием «Евразийский временник». В 1926 г. евразийцы представили на суд общественности систематическое изложение своей концепции, своего рода манифест — «Евразийство». Его основные положения в более сжатой и декларативной форме были затем повторены в следующем году — «Евразийство. Формулировка 1927 года». В 1931 г. в Париже вышел сборник «Тридцатые годы», подводящий десятилетние итоги деятельности евразийцев. Одновременно с 1925 по 1937 год увидели свет двенадцать выпусков «Евразийской хроники», задуманной как сводка отчетов пропагандистского и политического характера. В них вошли теоретические статьи, а также обзоры политической и хозяйственной жизни СССР. Под эгидой евразийского издательства публиковались и отдельные книги идейно близких авторов.

Однако, несмотря на бурную издательскую деятельность и пропагандистско-политическую активность, евразийское движение уже к концу 20-х годов вступило в фазу кризиса и раскола. От него отошли П. Бицилли, Г. Флоровский, выступивший в 1928 г. в журнале «Современные записки» с самокритичной статьей «Евразийский соблазн». Но, пожалуй, самым серьезным свидетельством раскола евразийского движения стало издание в Париже еженедельной газеты «Евразийство», ориентированной, в духе «Смены вех», на идейно-политическое сближение с советской властью. Активное участие в издании газеты принимали Л. Карсавин, кн. Д. Святополк-Мирский, П. Сувчинский, С. Эфрон. Их прямые призывы к сотрудничеству с большевиками не могли не насторожить эмигрантские круги. Это побудило основоположников движения (к ним примкнул и Н. Алексеев) выступить в специальном издании «О газете «Евразийство» (1929) с резкой критикой «парижского направления» евразийства и отмежеваться от него. Однако тень «руки Кремля» легла на евразийское движение в целом, в результате чего оно пошло на спад.

Какие же идеи определяли «лицо» евразийского движения, что привлекало в них современников и какие из них сохраняют свое — позитивное или «упреждающее» — значение и сегодня?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо понять, что евразийство—это течение, возникшее внутри русской интеллигенции, поставленной в экстремальные условия эмиграции, переживаемые ею как крах привычного образа жизни, сложившихся представлений о добре и зле, а главное, как крах национального самосознания и национальной культуры русской интеллигенции, почувствовавшей себя не просто изгнанной, а загнанной в тупик. Его питательной средой была общая атмосфера катастрофического мироощущения, вызванного октябрьским переворотом. «Созерцая происходящее,—писали в предисловии к первой книге ее авторы,—мы чувствуем, что находимся посреди катаклизма, могущего

сравняться с величайшими потрясениями, известными в истории, с основоположными поворотами в судьбах культуры, вроде завоеваний Александром Македонским Древнего Востока и Великого переселения Народов»³.

Ощущение катастрофичности, конечно, не определяло всей специфики духовного облика приверженцев нового направления — о конце Европы в то время говорили уже многие, а «великая смута» в России стала общим местом как европейской, так и эмигрантской публицистики. Привлекательность евразийства для многих состояла в том, что оно имело позитивную программу, хотя изначально отнюдь не было ясно, в какой мере эта программа соответствует реальным тенденциям исторического процесса. Само название первой книги-заявки «Исход к Востоку» имело определенный подтекст, связанный не только с традиционным для религиозной культуры смыслом, но и свидетельствующий об определенности выбора — «возврат к себе, намерение жить, не отрываясь от своих корней», — в рамках которого предполагалось обсуждение вопроса о готовности его сторонников к определенным социальным действиям.

Сказанное объясняет, почему с самого начала евразийство было не только теоретической концепцией, имеющей свои философские корни, но и идеологией, программные установки которой требовали определенных организационных усилий для их реализации.

Четыре идеи лежали в основе нового учения, определяя его парадигму: 1) утверждение особых путей развития России как Евразии; 2) обоснование идеалов на началах православной веры; 3) идея культуры как симфонической личности; 4) признание необходимости такого государственного устройства, которое бы обеспечило развитие России-Евразии по пути к ее идеалам.

Главным «нервом» движения была идея, что России предопределено особое место в человеческой истории среди других народов и стран, что русские люди, равно как и все народы «российского мира», не есть ни европейцы, ни азиаты. Их родовое имя — евразийцы — указывает на культурно-историческое единство этих народов в их геополитической и этнопсихологической цельности. С прокламации этого тезиса начинается программный документ евразийства («Формулировка 1927 г.»): «Россия представляет собою особый мир. Судьбы этого мира в основном и важнейшем протекают отдельно от судьбы стран к западу от нее (Европа), а также к югу и востоку от нее (Азия). Особый мир этот должен называться Евразией. Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые трудно достижимы для них в отношении народов Европы и Азии»⁴. Самобытность евразийской культуры и ее судьбы определяется специфическими условиями ее «месторазвития» — континента-океана, раскинувшегося на огромном пространстве между Европой и Азией (в территориальном отношении СССР, согласно евразийцам, охватывает основное ядро этого мира). Его субъектом является «круг народов» евразийского мира, между которыми русский народ занимает срединное положение и служит связующим звеном, сердцевинной их культуры и жизни.

Евразийцы не хотели смотреть на Россию как на культурную провинцию Европы, с запозданием повторяющую ее «зады». Европейская культура, духовным выражением которой является формализованное латинство и насквозь прагматизированный протестантизм, стала предметом критики. За ней отрицалось качество общечеловечности. Одновременно отрицались и общечеловеческие основы цивилизации. Но, упрекая «западников» в «идейном холопстве» по отношению к Европе, евразийцы, в отли-

³ «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», с. 83.

⁴ «Евразийство. Формулировка 1927 года». Прага, 1927, с. 6.

чие от славянофилов, не фетишизировали славянских корней русской национальной жизни, признавая существенное влияние на нее восточного, «туранского» элемента, «наследия Чингисхана».

Согласно евразийцам, монголы первые решили историческую задачу Евразии, положили начало единству этого безбрежного океана-континента, заложив основы его государственного устройства. Их прямой наследницей стала Московская Русь. В этом смысле «без „татарщины“ не было бы России»⁵, как, эпатируя общественное мнение, заявил П. Савицкий. Будучи наказанием Божиим, «татарщина» повлияла на быт, образ жизни, психологию русского народа, на его социальную организацию и государственное устройство. Вместе с тем «татарщина» была той нейтральной культурной средой, которая, принимая всех богов и допуская любые культуры, не уничтожала основы духовного облика русского народа, его веры. «Велико счастье Руси, что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна была пасть, она досталась татарам и никому другому»⁶. С этих же позиций евразийцы оценивают влияние Запада. Европеизация России, начатая Петром и продолженная его западнеческими преемниками, в число которых евразийцы включают и русских марксистов, оценивается ими сугубо негативно — как извращение евразийской самобытности России. Сбросившая татарское иго Россия должна сбросить и европейское иго. Но хотя подобное освещение истории шокировало общественное мнение, оно открывало новую проекцию видения истории России не только в плоскости Запада, но и Востока⁷.

Вторая предпосылка, позволяющая понять смысл евразийского учения, связана с его отношением к православной церкви. В учении евразийцев православие предстает как единственное правомерное выражение христианства, к которому тяготеют все нехристианские религии и культы евразийского мира. Язычество с его устремленностью к истинному Богу, мистическая созерцательность буддистов, магометанство с его идеей покорности Провидению и деловой активности в миру — все они являются формами «потенциального православия». Отсюда историческая миссия православной церкви — обеспечить условие для самораскрытия православия всех иноверных вероисповеданий и не допустить его латинизации.

Критики религиозной доктрины евразийства усматривают в ней два существенных просчета. Во-первых, это откровенная утилизация православия. Евразийцы обращаются к православию, исходя из потребности определения абсолютных начал своей идеологии и политики. И, исходя из этой же потребности, они допускают откровенные исторические и религиозно-догматические натяжки, в частности, относя буддизм и магометанство, принадлежащие к мировым религиям, к «потенциальному православию». Во-вторых, допущение утилитарного подхода к религии проявляется и в огосударствлении церкви, используемой в качестве рычага для решения политических задач, в частности для обеспечения духовного единства евразийского мира. Это неизбежно ведет к размыванию ее собственной духовной сущности. Впрочем, евразийцы сами ощущают уязвимость своей религиозной доктрины и пытаются укрепить ее посредством теории культуры-личности, отождествляемой в идеале с православной церковью.

Учение о культуре как симфонической личности — третья идеологическая предпосылка евразийства. Ни отдельный индивид, ни формальное выражение волеизъявления их совокупности (имеется в виду европейская демократия) не отражают подлинные интересы народа, взятого в единстве

⁵ Савицкий П. Н. Степь и оседлость. «На путях. Утверждение евразийцев». Москва- Берлин, 1922, с. 342.

⁶ Там же с 344

⁷ Оригинальное развитие — эта точка зрения на историю России получила в трудах Л. Гумилева.

современного, прошлого и будущего поколений. Это достигается в культуре, выступающей в качестве симфонической личности, по отношению к которой воля, свобода отдельных индивидов имеют смысл лишь как индивидуация этого симфонического целого.

В отличие от европейской традиции, в которой исходным базисным понятием является личность как индивид, обладающий неотъемлемыми правами-свойствами, в евразийстве за основу принимается симфоническая личность как живое органическое единство многообразия или такое единство множества, когда и единство, и множество отдельно друг от друга не существуют. Это не означает, что евразийцы отрицают личность как индивида, но, с их точки зрения, он существует лишь соотносительно симфоническому целому — семье, сословию, классу, народу. Каждое из этих образований является симфонической личностью. Складывается определенная взаимопроницаемая иерархия личностей по степени их собранности. Взаимосвязь между этими различными личностями осуществляется посредством культуры, которая в свою очередь индивидуализируется в индивидах (каждый из них вследствие этого также становится симфонической личностью).

Однако, замечают евразийцы, эмпирический процесс становления симфонической личности всегда несовершенен. Своего совершенства он достигает в церкви. Поэтому можно сказать, что «Православная русская Церковь эмпирически и есть русская культура, становящаяся Церковью. Этой целью и вытекающими из нее задачами определяется существо русской культуры. Русская церковь, уже существующая как средоточие русской культуры, есть цель всей этой культуры»⁸. Но эмпирически за пределами церкви остается греховный нецерковный мир, и задачей государства является подведение под симфоническое единство церкви этого мира.

Учение о государстве — четвертый краеугольный камень евразийства.

Евразийская культура порождает государство особого типа, реализующее единство и цельность всех сфер нецерковного евразийского мира. Можно сказать, что государство стремится стать церковью и во имя достижения Царства Небесного превращает мирскую свободу-произвол в сферу принуждения. Действуя в конкретной греховной сфере, оно не может не грешить, но еще более того не может и бездействовать, так как его бездействие равнозначно самому тяжкому греху — самоубийству. Сфера государства есть сфера силы и принуждения. И здесь менее всего уместно сентиментальное прекраснотушение, способное лишь породить анархию. Более того, евразийцы уверены в том, что чем здоровее культура и народ, тем большей властью и жестокостью отличается его государственность.

Для того чтобы успешно решать возложенные на него задачи, само государство должно обладать сильной властью, в то же время близко стоящей к народу. Евразийцы характеризуют ее как демотический правящий слой, формируемый путем «отбора» его из народа и потому способный выражать его действительные интересы и цели.

Выдвинутый из народа правящий слой должен противопоставить себя породившим его массам, так как массы сохраняют склонность к стохастическим и деструктивным действиям. Задача же правящего слоя состоит в организации рассогласованных действий масс, пресечении их деструктивности. Выполнение этих функций требует от самого правящего слоя единства и безоговорочной координации усилий. На это же направлен особый тип отбора. «Тот тип отбора,— поясняет этот тезис Н. Трубецкой,— который, согласно евразийскому учению, ныне призван установиться в мире и, в частности, в России-Евразии, называется *идеократическим* и отличается тем, что основным признаком, которым при этом типе отбора объединяют-

⁸ «Евразийство. Опыт систематического изложения». Париж, 1926, с. 27.

ся члены правящего слоя, является общность мировоззрения»⁹. Основанный на этом государственный строй называется идеократическим. Вместе с тем идеальный идеократический строй требует, чтобы сильная власть — правящий слой — близко стояла к народу. Это предполагает широкое применение выборного начала, участие общественных организаций и трудовых коллективов в государственной деятельности, при условии «огосударствления» последних.

Нетрудно заметить, что евразийское учение о государственном устройстве опирается на идеализированный опыт государственного и партийного строительства в СССР. Об этом свидетельствует и цикл аналитических статей, специально посвященных изучению этого опыта. К их числу принадлежит и публикуемая статья Н. Алексева.

Именно советская модель межнационального государственного устройства послужила исходной базой предлагаемой им концепции межнациональных отношений евразийского мира. Но в его отношении к советскому опыту наличествует и серьезный критический момент.

Разрушив старые имперские связи, объединявшие многонациональную Российскую империю, большевики в соответствии с коммунистической идеей заменили их новыми социальными связями солидарности пролетариата всех наций перед лицом предполагаемой постоянной угрозы со стороны международной буржуазии, объявленной классовым врагом. Чтобы поддерживать надлежащим образом эти связи, центральному правительству приходится искусственно раздувать опасность, угрожающую пролетариату, мало того, самому создавать объекты классовой ненависти. В противоположность этому объективным основанием братской связи народов, образующих евразийский мир, является общность их исторических судеб, сознание единства его народов, образующих «особую многонациональную нацию» — евразийцев. Средство достижения такого единства Алексеев увидел в федерации народов евразийского мира, к осознанию необходимости которой пришли большевики вопреки их коммунистической идеологии. Поэтому одной из задач политической программы евразийцев является очищение принципов федерализма от коммунистических извращений. Однако, как справедливо отметил Н. Бердяев, евразийство, преодолевая утопизм относительно коммунистической доктрины мирового государства на основе диктатуры пролетариата, впадает в другой вид утопического этатизма, приносящего свободу и права личности современного человека в жертву идеократическому государству.

⁹ Трубецкой Н. С. Идеократия и армия. «Евразийская хроника». Вып. 10. Париж, 1928, с. 3.